

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 81

ДИАХРОНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДЛОЖНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДИКАТИВА *ВСЁ РАВНО*, ИЛИ *НЕ ВСЕ РАВНО* НА СЕМАНТИКУ

Добрушина Екатерина Роландовна

Заведующий кафедрой славянской филологии, доктор филологических наук, доцент,

Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия

E-mail: edobrush@gmail.com

SPIN-код 2414-2617

В XXI веке предикатив *все равно* приобрел управление через предлог «на». Эта конструкция остается просторечной, но очень частотной. Вероятно, через десятилетие или два «*все равно на*» станет повсеместным. На первый взгляд, причины в аналогии с управлением единиц типа *плевать* и в легкости вхождении в современную речь ненормативных элементов. Корпусный анализ диахронии *все равно* приводит к другой гипотезе. Сочетание родилось как устойчивое, предположительно, в XVII веке. Первоначально оно было фразеологизованной грамматической основой и означало: «экспериментатор оценивает два или более стимула как одинаковые». Стимулы-альтернативы часто выражались однородными или содержащими альтернативу придаточными. За XIX-XX века сформировался целостный предикатив. Его значение – эмоциональная оценка: «экспериментатор не испытывает никаких чувств в отношении стимула». Когда начальное значение было вытеснено, а предикатив стал частотным, он начал нуждаться в другой модели управления. Теперь он должен управлять существительным, а не придаточным, так как стимул перестал быть связанным с альтернативами. Таким образом, появление новой схемы управления определяется новой семантикой.

Ключевые слова: современный русский язык, корпусная лингвистика, диахронический анализ, семантика, синтаксис, лексема *все равно*, предикатив *все равно*, наречие *все равно*, частица *все равно*, предикатив эмоционального восприятия, модель управления, предложное управление, концепт «равнодушие»

THE DIACHRONY OF THE FORMATION OF PREPOSITIONAL CONTROL OF THE PREDICATIVE DOES NOT MATTER, OR DOES NOT CARE ABOUT SEMANTICS

Dobrushina E. R.

In the 21st century predicative *vsyo ravno* acquired government with the preposition *na*. This construction remains vernacular but very frequent. It is likely that in a decade or two *vsyo ravno na* will become universal. At the first glance, the reasons seem to be in analogy with the government of such units as *plevat`* and with the ease of entry of sub-standard elements into the modern speech. A corpus-based analysis of *vsyo ravno*

diachrony leads to another hypothesis. The phrase appeared as idiomatic, presumably, in the 17th century. Originally, it was idiomatic grammatical basis which meant: 'an experiencer assesses two or more stimuli as the same'. Alternative stimuli were often expressed in the subordinate clause. During the 19th -20th centuries, a consistent predicative emerged. It meant an emotional evaluation: 'an experiencer does not have any feelings about the stimulus'. When the initial meaning was displaced, and the predicative became frequent, it started to require a different model of government. Now it has to govern the noun, not the clause, because the stimulus ceased to be associated with alternatives. Thus, the emergence of a new scheme of government is determined by new semantics.

Keywords: contemporary Russian language, corpus linguistics, diachronic analysis, semantics, syntax, lexeme *vsyo ravno*, predicative *vsyo ravno*, adverb *vsyo ravno*, particle *vsyo ravno*, predicative of emotional perception, a model of government, prepositional government, concept "indifference".

1. Недавно возникшие частотные модели предложного предикативного управления

Одна из значимых задач русистики – фиксация происходящего в современном языке и изучение ближайшей истории изменений, идущих на глазах исследователя. На данный момент нет достоверных описаний рождения и развития новых моделей синтаксического управления. Ясно, что они меняются с течением времени, но за счет чего появляется изменение, с какой скоростью идет? Развитие корпусной лингвистики позволяет начать исследовать подобные проблемы (см. о корпусной диахронии в русистике [1] и [2]).

В русской речи сейчас на глазах растет популярность четырех недавно сформировавшихся конструкций: просторечные *все равно на*, *пояснить за*, *сказать за* и игровое *уметь в*. Это конструкции разного происхождения и разной стилистической окрашенности. *Все равно на*, по бросающемуся в глаза предположению, сформировалась, видимо, в языке школьников по аналогии с *плевать на* и подобными и является очень распространенной неосознаваемой ошибкой. Конструкция *пояснить за* стала частотной в речи Рунета, придя в нее, возможно, из блатного жаргона, остается просторечной, но, как кажется до проведения исследования, заполняет некоторую семантическую нишу, формирует новое значение глагола. Схема управления *сказать за* издавна была принадлежностью южных диалектов и русского идиолекта русскоговорящих жителей Украины. Например, «Что вы скажете за кур, дорогой профессор?» – реплика журналиста из «Роковых яиц» М. А. Булгакова (1924) и «Я вам не скажу за всю Одессу» – строчка из песни 1943 года поэта Владимира Агатова имитируют одесский идиолект, причем *за всю Одессу* носители литературного языка нередко ошибочно воспринимаю как *от имени всей Одессы*. В литературном языке эта конструкция была и остается выражено просторечной, но сейчас экспандирует в разговорную речь, в первую очередь в устно-письменную речь социальных сетей, возможно, не столько из-за влияния юга, сколько из-за потребности в новой семантике, для которой предлог *за* подходит больше, чем *о*. Наконец, *уметь в* возникло недавно и превратилось в популярную языковую игру в рамках литературного языка: было *не умеет программировать* стало *не умеет в программирование*. *Уметь в* в отличие от *все равно на* частотно в текстах старшего поколения и мало знакомо носителям молодежной речи. По всей видимости, на данном этапе это почти всегда осознанно игровая шуточная конструкция, ассоциирующаяся с *играть в*, то есть вводящая тему игры («жизнь как игра»); благодаря популярности этой шутки даже глагол *уметь* стал использоваться в соцсетях чаще. Возможно, через какое-то время конструкция превратится в естественную схему управления, существующую у *уметь* наряду с другими. Или не превратится? Очень хочется, чтобы через 10, а затем через 20 лет

положение описанных конструкций было исследовано. Итак, каждая из перечисленных схем управления заслуживает диахронического анализа и синхронической фиксации. Здесь будет рассмотрена *все равно на* – единственная, в формировании которой на первый взгляд нелегко заподозрить семантику.

Итак, скрепление предикатива *все равно* с предлогом *на* – один из наиболее активно идущих сейчас процессов в области изменения схемы управления конкретных лексем. Предикатив *все равно* меняет выражение объекта через придаточное на выражение его через конструкцию с *на* – было *все равно, что она скажет* стало *все равно на ее слова*. Конструкция *все равно на* остается просторечием, ошибкой, но ошибкой, не осознаваемой и – более того – безальтернативной для использующих ее. Для изучения конструкции следует описать предикатив *все равно*, который, как и другие частеречные варианты этого сочетания, в научной литературе практически не обсуждается.

2. Сочетание *все равно* – частеречная характеристика и значения

Лексема *всё равно* отсутствует в исторических словарях, а также в толковых, созданных до нашего века.

В МАСе сочетание разделено на три значения («безразлично, одинаково»; «в любом случае»; сравнение) без указания частеречной характеристики внутри идиоматического раздела статьи «ВЕСЬ» [3, с. 157].

В БАСе также три значения без указания частей речи внутри «ВЕСЬ»: («в значении сказуемого («безразлично, одинаково, неизбежно»); в составе союза; а третье значение разделено на два: для выражения причины, соответствует *потому что, так как* и соответствует *тем не менее, все-таки*)» [4, с. 239].

Как отдельная лемма приведена в Современном толковом словаре (далее СТС) в трех значениях: «нареч. качеств.-обстоят.»; «предик.»; «част.» [5].

В Активном словаре (далее АС) [6, с. 316] выделены объединенные в одно значение наречие (видимо, сказуемое) и предикатив, второе значение – частица; как отдельная лемма описано сочетание *все равно что*, трактованное как наречие.

Две отдельные статьи по двум частям речи (предикатив, наречие) созданы авторами Большого Универсального словаря (далее БУС) [7, с. 145]; отсутствуют частица и сравнительный союз.

Проанализировав все источники и базу примеров, предлагаю краткое описание единицы *все равно*, по выделению частей речи более полное, чем в любом источнике. Вместо толкований описание содержит смысловые ярлыки, достаточные для данного исследования:

ВСЁ РАВНО

1. Предикатив (в иной терминологии категория состояния) (а) «равные варианты», «не имеет значения» \ (б) «не вызывает никаких чувств»

Примеры: *Вам чай с сахаром или без?* – *Всё равно* (БУС) \ *Все равно, что произойдет*; *Мне все равно, что обо мне говорят*.

2. Наречие в роли сказуемого при подлежащем (а) «равные варианты», «не имеет значения» \ (б) «не вызывает никаких чувств»

Пример: *Это все равно*.

3. Наречие обстоятельствоное («вопреки») (ожиданиям /обстоятельствам)

Примеры: *Все равно много* (БУС); *он все равно откажется* (БУС).

4. Частица «все-таки» («усиление противопоставления») (СТС))

Примеры: *Я все равно приеду* (АС); *Все равно звонят не ей* (АС)

5. Часть сравнительного союза – в составе *все равно что* и подобных.

Предлагаемые семантические ярлыки в совокупности с частеречной характеристикой позволяют различать пять разных *все равно*. Но оговорю сразу, что граница между наречием (значение 3) и частицей (значение 4) не совсем ясна и требует отдельного исследования. По всей видимости одно и то же значение в АС отнесено к частице, в БУС – к наречию, а в СТС распределено между обеими частями речи; при разделении выше значений 3 и 4 опора была именно на СТС; что касается корпусных данных, встречаются примеры, которые естественно отнести

именно к наречию или именно к частице, встречаются промежуточные, а сформулировать критерии различения на данной стадии исследования не удалось.

Для предикатива будет очень значимо деление на (а) и (б). Эти варианты выделены через точку с запятой в СТС и через «а тжж» в БУС; в АС есть только вариант (б) с развернутым толкованием.

Значение 2 нигде не описано, а его следует отличать от предикативного, так они оба сказуемостные. «Все равно 2» всегда представляет собой сказуемое двусоставного предложения, наречием называем его потому, что термин «предикатив» («категория состояния») обозначает сказуемые исключительно безличных предложений [8, с. 136]. Видимо, именно «все равно 2» названо наречием в первом значении в [6, с. 316]. Сказуемостное наречие *все равно* необычно тем, что, по всей видимости, относясь по смыслу к группе внешней оценки типа *хорошо*, *нечестно* из семантического класса наречий способа и образа действия [9, с. 125-126], оно не может выступать в обстоятельственной функции, которая для таких наречий первична, а всегда является сказуемым при подлежащем, что возможно лишь для немногих наречий. По значению оно близко к предикативу и совсем другое, нежели обстоятельственное наречие (значение 3) – даже по выбранным здесь семантическим ярлыкам ясно, что «не имеет значения» и «вопреки» (ожиданиям/обстоятельствам) далеки друг от друга, невзаимозаменяемы. Этот тип употребления является синтаксически связанным, он очень редок при иных подлежащих, нежели местоимения *это* и *что*, был популярен во второй половине XIX века (из 18 употреблений в «Отцах и детях») И. С. Тургенева (1862) 7 сказуемостных с подлежащим *это*), а сейчас устаревает.

3. Сочетание *все равно* – буква «Ё» и произношение

Тема ударения в сочетании *все равно* интересна потому, что произношение его в одно фонетическое слово свидетельствовало бы о высокой степени его фразеологизации, о стирании внутренней формы, что могло бы повлиять на появление новой модели управления. Поэтому обсудим здесь это кратко.

В орфографической традиции, которой следуют современные редактируемые издания, слово записывается с буквой «Е», что соответствует рекомендации русской орфографии прописывать «Ё», только когда от этого зависит верность прочтения. В узусе это не так, беглый просмотр современных чатов заставляет предположить, что носители выписывают «Ё» не реже, чем в 50% случаев (опираться при таких подсчетах на НКРЯ не стоит, так как не ясна тактика выбора между буквами при наборе текста). Авторы словарей в заголовках словарных статей используют «Ё». Предполагаю, что именно довольно частотная буква «Ё» поддерживает мотивированность этого сочетания для носителей языка и произношение его в два слова.

Возможны два варианта произношения: в два фонетических слова с двумя ударениями и в одно слово с ударением на конце. По данным Акцентологического корпуса, в некоторых случаях ударение падает на *равно*, а всё присоединяется к нему как проклитика:

(1) [Елена, жен] [нрзбр] все равно́ как-то придётся решáть. [НКРЯ-А¹. Претензия застройщику (2014)]

(2) — Ну, вам все равно́, милая, у Вас своё болит. [НКРЯ-А. А. Н. Миронов. Монолог матери : «Жизнь кончилась и началась...» [Кинематограф] (2000)] [Круглый (Сергей Мурзин, муж, 32, 1965)]

(3) Дёньги-то все равно́ Татáрину плати́ть/ башка́ тво́я бара́нья! [НКРЯ-А. Алексей Балабанов. Брат, к/ф (1997)]

Если верить Акцентологическому корпусу, то таких случаев примерно 50%, но все безударные примеры из первых 50, кроме трех приведенных, из поэзии, и, по всей видимости, ударение именно для этого сочетания проставлялось неточно.

¹ Здесь и далее в примерах из НКРЯ использованы сокращения НКРЯ-О – Основной корпус, НКРЯ-П – Поэтический корпус, НКРЯ-СС – Корпус социальных сетей, НКРЯ-ЦСМИ – Газетный корпус центральных СМИ, НКРЯ-Пнхр – Панхронический корпус, НКРЯ-МК – Мультимедийный корпус, НКРЯ-А – Акцентологический корпус.

Поэтому были прослушаны примеры НКРЯ-МК, позволяющего довериться собственному слуху. На основе 200 проанализированных примеров делаю вывод, что профессиональные носители языка – журналисты, политики, ученые – проговаривают сочетание с двумя ударениями. Не более, чем в 10% случаев текстов МК, сочетание произносится в одно слово с редуцированным первым гласным – как правило, это деревенская разговорная речь (прим. 4) и лишь изредка городская (прим. 5).

(4) [Ольга Безгина, жен, фермер] Мама моя и сказала/ что/ «Я из деревни попыталась вывести тебя в город чтобы ты как-то могла там развивать себя/ да/ а ты **всё равно** вернулась в село». [НКРЯ-МК. Алёховщина. Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») (2021)]

(5) [Белков Сергей Николаевич, муж, химик-технолог] Но когда мы говорим "лучшее"/ любой человек по восприятию "лучший"/ у нас нет такого "априори лучше"/ есть "лучше по сравнению с чем-то". И **всё равно** будет сравнение – подсознательно/ психологически – с этой клубникой/ и мы... фактически мы **всё равно** не сможем сделать лучше/ [С.Н. Белков, А.М. Семихатов. Химия еды пищевые добавки и ГМО. Передача «Вопрос науки», т/к Россия-24 (2014)]

Итак, из частотности буквы «Ё» и двух ударений в узусе можно сделать вывод: все *равно* на данный момент не до конца слилось в одну лексему и сохраняет для носителей языка мотивированность. (Например, потерявший мотивированность союз *то есть* никогда не произносится с двумя ударениями). Но наличие в разговорной речи произношения с одним ударением и редуцированным первым гласным, а также регулярность ошибочного написания через дефис как у школьников, так и в чатах Рунета говорит о том, что процесс превращения сочетания в одну целостную единицу активно идет.

4. Сочетание *все равно* – вхождение в язык

Самый ранний пример на *всё равно* НКРЯ дает от 1673 года (прим. 6) – это предикатив в значении 1(а), присоединяющий два однородных объектных (изъяснительных) придаточных, в совокупности создающих альтернативу, характеризующую предикатом.

(6)...нам де **все равно**, что до Серпухова, что до Масквы [НКРЯ-ПНХР. Грамотка приказчика Р. Беляева... из д. Тельчья (1673.09.03)]

Второй пример от 1675 (прим. 7) – это устаревшее употребление –свободное, а не фразеологизованное сочетание со значением «все кажется равным», где *всё* – подлежащее, а *равно* – качественное наречие при последующем полусвязочном глаголе, в совокупности с ним образующее сказуемое.

(7) Великому Баазету **все равно** кажется; егда в песыих руках умрет, в том его счастье. [НКРЯ-ПНХР. Темир-Аксаково действо (1675)]

Далее следуют два примера на предикатив 1715 и 1716-1718 годов в значении 1(а), первый со связкой и изъяснительным придаточным, задающим альтернативы через относительные наречия *как* и *чем* (прим. 8), а второй – как бы цитирующий реплику персонажа – неполное предложение, в котором альтернатива *подушка* или *стул* обозначена в контексте (прим. 9).

(8) Ибо есть **все равно**, как и чем смертный страх угрожен будет. [НКРЯ-О. [Петр I]. Артикул воинский (1715)]

(9) Потом посланник спросил у хана, где изволит сесть на подушке или на стуле... Хан сказал, что **все равно** и сел на стуле... [НКРЯ-О. Переписка и дела во время посольства Артемия Волынского (1716-1718)].

Два из трех предикативных примеров (прим. 6 и прим. 9) связаны с пересказом разговорной речи. Последующие примеры начинаются с 1749 года, и их становится больше. В целом за XVIII век находится около 40 примеров предикативов, а непредикативных употреблений устойчивого сочетания – ни одного.

Фразеологизованное *все равно* в XVIII веке сосуществует со свободными сочетаниями, где *все* (прим. 10) или *всё* (прим 7 и 11) – это подлежащие, а *равно* с ударением на первом слоге – наречие при сказуемом, синонимичное с *одинаково*.

(10) По счастью мало в нас между собой

Все равно бедны мы, и равно всяк блажен. [НКРЯ-П. Н. Н. Поповский. Опыт о человеке господина Попе... (1753-03.1754)].

(11) Скупой с усмешкою надежно говорит:

«Желудку что ни дай он **все равно** варит». [НКРЯ-П. А. П. Сумароков. Кривой толк...» (1759)]

Можно сделать вывод, что сочетание всё равно вошло в русский язык как устойчивое не позже середины XVII века в устных текстах в качестве предикатива в значении 1(а) «равные варианты», «не имеет значения». Это произошло раньше, чем в значении 1(б) и чем в качестве обстоятельственного наречия и частицы. В течение XVIII века предикатив 1(а) (но не 1(б)) стал более частотным и нормативным, стал появляться в поэтических, эпистолярных и художественных текстах, отчасти в юридических (есть пример из «Воинского артикула» Петра I), но заведомо не в значительно более консервативных религиозных. Наряду с устойчивым сочетанием существовали свободные, где равно было наречием при сказуемом, их было много и их частотность, по всей видимости, тоже была фактором, влияющим на формирование новой лексемы.

5. О диахронии непредикативного все равно

Возникнув первым не позже XVII века, предикатив все равно начиная со второй половины XIX века сосуществует с постепенно учащающимися омонимичными частями речи.

Сравнительный союз все равно что начинает формироваться в XVIII веке, но примеры единичные и скорее переходные и лишь в начале XIX века превращаются в частотные и остаются таковыми до сих пор.

Обстоятельственное наречие и частица, видимо, в XVIII веке еще почти отсутствуют и становятся неединичными позже на основе популяризировавшегося предикатива. Редкие примеры обстоятельственного наречия находятся с рубежа 30-х годов XIX, а уверенно наречие входит в язык лишь в последней четверти XIX века.

(12) Зови, как хочешь, смерть – уничтожением, гибелью, покоем, тлением, сном – она **все равно** поглотит свои жертвы. [М. Ю. Лермонтов. Азраил [прозаические фрагменты] (1831)]

(13) «Он, говорит, вор; хоть он теперь и не украл, да **все равно**, говорит, он украдет, его и без того на следующий год возьмут в рекруты». [Н. В. Гоголь. Ревизор (1836)]

Частица, возможно, сформировалась из ныне не существующего (по крайней мере не признаваемого словарями и правилами пунктуации) вводного слова, возникшего на основе изолированного употребления предикатива, в XIX веке частотного, в том числе в сочетаниях *Но все равно*, *Ну все равно*, *Да все равно*, *Так все равно*. Сейчас оно устаревает, вместо него скорее говорят *Неважно* – резкий рост частотности лексемы *неважно* в XX веке хорошо виден на графиках НКРЯ-О.

(14) Я чаю, ты бы за это рассердился. И я бы рассердился, да стал глуп очень, так **все равно**, прости. [Н. А. Львов. Письмо В. В. Капнисту (1789-1797)]

(15) – Ну, да ведь это тоже путешествие. – Какое, батюшка, путешествие. Путешествуют там, за границей, в неметчине; а мы что за путешественники? Просто – дворяне, едем себе в деревню. – Ну, да **все равно**. Так как мы отправляемся теперь в дорогу... – А, вот это, пожалуй. [В. А. Соллогуб. Тарантас (1845)]

Предположительно, из таких употреблений формируется вводное слово:

(16) Вы его там не найдете: он переменял квартиру. – Право? – сказал Зарецкой. – **Все равно**, я его как-нибудь отыщу. – [М. Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830)]

(17) Этот год, **всё равно**, вам нужно будет покупать овес.» [Н. В. Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем (1835-1841)]

Далее вводное слово теряет паузы вокруг и превращается в частицу, вот одни из первых примеров:

(18) Коли не это, **все равно** другой случай может выйти: заснет она... [Д. В. Григорович. Кошка и мышка (1857)].

(19) Письма к Дюма-сыну у меня не было; но **все равно** я отправился к нему прежде, чем подумал о других; этого требовала учтивость; я жил в доме его отца. [Д. В. Григорович. Корабль «Ретвизан» (1863)]

Итак, сравнительный союз *все равно* что появляется раньше других непредикативных частей речи и нередок уже в начале XIX века, а наречие и частица более частыми становятся с 60-х годов XIX века. Различение наречия и частицы *все равно* затруднено, требует выработки критериев в отдельном исследовании.

6. Двусоставное **все равно** как источник возникновения предикативного **все равно**

В XVIII веке предикатив *все равно* только формируется, рождаясь из сочетания местоимения с кратким прилагательным. В каком контексте это сочетание стало настолько частотным, что возникло новое целостное слово? Обнаруживаются примеры, благодаря которым видно, как родился предикатив.

(20) Для прочих, хоть живой, хоть мертвый, **всё равно**,

Евгений с Цесарем — мечтание одно:

Хоть не знатен он, хотя в высоком чине,

Хоть здесь, хоть там живет, хоть мертв, хоть жив и ныне. [Н. Н. Поповский. Опыт о человеке господина Попе... : «О счастье, наших цель желаний и конец!..» (1753-03.1754)]

С точки зрения синтаксической структуры и смысла этот пример можно трактовать трояко:

1. *Всё* – подлежащее, объединяющее две альтернативы (*хоть живой, хоть мертвый*) и обозначающее стимул (объект восприятия), а *равно* – краткое прилагательное среднего рода, обозначающее интеллектуальное восприятие (оценку) **«равны»** («одинаковы») и имеющее экспериенцера (субъекта восприятия) *прочие*, выраженного родительным падежом с предлогом *для*. Предложение можно пересказать так: «варианты живой или мертвый для прочих людей равны».

2. *Всё равно* – предикатив интеллектуального восприятия со значением **«одинаково»** и экспериенцером *прочие*, для которого стимул задан двумя однородными придаточными *хоть живой, хоть мертвый*, создающими альтернативу. Предложение можно пересказать так: «варианты живой или мертвый для прочих людей одинаковы».

3. *Всё равно* – предикатив эмоционального восприятия со значением **«безразлично»** и экспериенцером *прочие*, для которого стимул задан двумя однородными придаточными *хоть живой, хоть мертвый*. Предложение можно пересказать так: «оба варианта живой или мертвый у прочих людей не вызывают эмоций».

Синтаксическая разность между этими трактовками в роли местоимения *всё*: в первом случае оно самостоятельно и за ним стоит денотат – две альтернативы, по всей видимости, после него перед сказуемым пауза. Во втором и третьем случае местоимение входит в целостный предикатив и тем самым является частью фразеологизованного двусловного безличного сказуемого. Семантически первый и второй варианты синонимичны, так как речь идет о равенстве двух вариантов с интеллектуальной точки зрения, подходит ярлык «одинаково». В третьем случае – это скорее эмоциональная оценка, подходят ярлыки «безразлично», «не вызывает эмоций».

Какой же их вариантов имел в виду поэт Поповский? По всей видимости первый, *всё* – подлежащее, между ним и сказуемым нужна пауза.

Вот еще пример, в котором *все* – подлежащее. Речь идет о равенстве ситуаций «дышат розы» и «дышит полынь» («об умершем помнят» / «не помнят»):

(21) Розы ль дышат, над могилой

Иль полынь на ней растет, —

Всё равно, о друг мой милый!

[И. И. Дмитриев. Наслаждение : «Всяк в своих желаньях волен...» (1792)]

Если все – это подлежащее, называющее варианты, тем самым оно становится близко по смыслу местоимению это. В самом деле, в начале формирования предикатива *все равно* находим ныне устаревшие сочетания *это равно*, *все это равно* и фразеологизованную конструкцию *не все ли это равно*, активную в течение XIX века, а сейчас умершую (45 примеров с 1822 года до 1944 и 2 с 1976 по 2000, современных примеров нет).

(22) Я просил бургомистра уговорить корабельщиков, что **это равно**, здесь ли оставить за руками деньги или там заплатить... [В. М. Головнин. Описание примечательных кораблекрушений... (1822)]

(23) Богу **все это равно**, пришел ли кто на молитву или приехал. [А. П. Сумароков. Опекун (1765)]

(24) Что ему за радость узнать от нее, что она любит не Молчалина, а Скалозуба или что она любит не Скалозуба, а Молчалина? Не **все** же ли **это равно** для него? [В. Г. Белинский. «Горе от ума». Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А. С. Грибоедова (1839)]

Из следующего диалогического примера виден переход от двусоставного к безличному:

(25) ... я должна сказать, что трудно, почти невозможно забыть все это! Но **вѣдь** не **въ томъ дѣло**... не **все ли это равно**... – **Нѣтъ**, **мнѣ** не **все равно**. Я хочу, чтобы въ васъ была, осталась ко мнѣ хоть капля чувства... дружбы и уваженія, наконецъ, сожалѣнія. [Е. А. Салиас. Мадонна (1877)]

Употреблений типа 2 (1а)) в XVIII веке тоже немало, ср., например, у Тредиаковского, где *все равно* – целостное сочетание и речь идет о равенстве двух способов размерения пентаметра (а не об отсутствии чувств), а стимул выражен в постконтексте в рамках сложно предложения через альтернативное обстоятельство второй части:

(26) **Все равно** хотя первым, хотя сим вторым образом размерять сей пентаметр. [В. К. Тредиаковский. Способ к сложению российских стихов, против выданного в 1735 году исправленный и дополненный (1751-1752)]

Безусловных примеров типа 3 (1б)) – о чувствах – в XVIII веке почти нет, есть переходные. Вот надежный, но среди ранних таких очень мало:

(27) Он был из тех холоднокровных людей, которые отроду никому не делают ни худа, ни добра, – следственно, не чувствуют ни любви, ни ненависти. Ему **все равно** бывало видеть человека в печали или в радости. [Д. И. Фонвизин. Повествование мнимого глухого и немого (1783)]

Итак, в XVIII веке сосуществуют три типа употребления сочетания *все равно*, видимо, более ранние порождают более поздние, а те, популяризируясь, вытесняют более ранние:

1. *Все равно* – двусоставная конструкция с всё подлежащим, объединяющем варианты, выраженные в контексте, часто предварительном (прим. 20 и 21). Сказуемое здесь краткое прилагательное *равно*, означающее «одинаково».

2. Односоставное *все равно* регулярно появляется в значении 1(а): обозначает, что синтаксически присоединенное к нему описание вариантов (стимулов), чаще в постконтексте, – это «равные варианты» (прим. 26).

3. Изредка можно найти предикатив со значением 1(б) «безразлично» («не вызывает чувств») (прим. 27).

7. Предикатив *все равно* – синтаксические конструкции

Из-за огромного объема материала предложу очень сжатое описание синтаксических конструкций, обозначающих стимул, предикатива *все равно* в XIX и XX веках.

В ранних примерах «равные варианты» стимул обозначается в первую очередь через однородные придаточные (прим. 28), конструкции с разделительными союзами типа *или* (прим. 29), *ли...ли*, *хоть... хоть*, альтернативные бессоюзные части (прим. 30). Главное, чтобы были обозначены варианты:

(28) Я стараюсь себя уверить, что **все равно**, что жить там или жить в деревне; чувство сильнее мысли, и я тревожусь. [А. Н. Радищев. Письмо А. Р. Воронцову (1791)]

(29) У вас на щеках румяна, на сердце румяна, на совести, румяна, на искренности... сажа. **Все равно**, румяна или сажа. Я побегу от вас во всю конскую рысь... [А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (1779-1790)]

(30) Жить без Софьи – умереть: ему **все равно**. [Г. П. Каменев. Софья (1796)]

Возможно, переходными к следующему типу управления можно считать употребления, в которых варианты – это «реализация / нереализация» чего-либо, задаваемая через одно придаточное:

(31) – Вам небось **все равно**, если он мне такую услугу окажет? [П. Д. Боборыкин. Долго ли? (1875)]

С учащением значения «не испытывать чувств» с альтернативными конструкциями начинают конкурировать одиночные изъяснительные придаточные, описывающие «безразличную» ситуацию, как бы вводящие тему, а не конкретные варианты:

(32) А раз вера подорвана – **все равно** куда идти... с кем... вся жизнь начинает казаться какой-то сумасбродной сказкой! [И. Л. Леонтьев-Щеглов. Корделия (Страничка жизни) (1889)]

(33) Все его мечты были разбиты, и теперь для него было **все равно** где оставаться. [М. М. Филиппов. Осажденный Севастополь (1889)]

(34) И мне совершенно **все равно**, зачем это и чем все это кончится. [И. Н. Кнорринг. Дневник (1920)]

(35) – А вам, значит, **все равно, почему** сюда зачастила эта майорская дочь?..» [Булат Окуджава. Путешествие дилетантов ... (1971-1977)]

(36) И нам не **все равно**, насколько эффективны методы наказания и воспитания преступников... [Анатолий Безуглов. Бороться за человека // «Советский экран», 1976]

Именно конструкция с «косвенными вопросами» [Апресян 2014: 316] – единственный из синтаксических способов обозначения стимула, который упомянут в АС, характеризующем лишь современный этап языка и поэтому не рассматривающий «интеллектуальное» значение предикатива.

Важно, что на рубеже прошлого века мелькает управление существительным с предлогом **до**. Оно почти окказиональное, не прижившееся, ныне устаревшее, возможно, звучавшее также «неправильно», как ныне *все равно на*. Из четыре примеров три в дневниковых записях:

(37) ...готов продать всех и всё, и гражданский долг, которого не ощущает, и работу, **до** которой ему **все равно**, и идеал, которого у него не бывает... [Ф. М. Достоевский. Из записных тетрадей (1876)]

(38) Казалось, что ему было **все равно до** всех людей на свете, и он скорбел только об одном, что его потревожили. [И. Н. Потапенко. Шестеро (1890-1895)]

(39) Ведь еще недавно мне было **все равно до** него! [Л. К. Даянова. Дневник (1907)]

(40) Никто и не говорит о них. Всем **все равно до** этого. [М. Л. Казем-Бек. Дневник (1914)]

Упомяну здесь, что примерно в этот же период в НКРЯ-О находятся три примера с *безразлично до*, точно так же, как век спустя, на фоне развития *все равно на*, в НКРЯ-СС находятся пять примеров на *безразлично на*.

Итак, с развитием значения «не испытывать чувства» конструкции, разными способами выражающие варианты для равенства, сменяются придаточными, задающими тему для «равнодушия». Тему, в отличие от «вариантов» можно задавать существительным, и язык предпринимает попытку ввести предложное управление через «до», видимо, по аналогии с предикативными оборотами типа *не до того* (в НКРЯ-Пнхр с 1553 г.) и *нет дела до* (в НКРЯ-Пнхр 445 примеров с 1576 г.), но для закрепления модели чего-то недостает.

Последний синтаксический этап – это конструкция с предлогом *на*, сумевшим сделать то, что не сумел предлог *до*; о ней речь пойдет ниже.

8. Два взлета значимости понятия «равнодушие» в русской культуре

Идея чувств – основное современное значение сказуемого сочетания, тогда как в XVIII веке оно лишь зарождалось. Сейчас употребления («двусоставное» и «равные варианты») вытеснены значением «безразлично». Современный читатель плохо понимает строки Поповского и Дмитриева (прим. 20 и 21), потому что для него все равно – это предикатив, говорящий об отсутствии чувств в связи со стимулом. В [6, с. 316] для предикатива и сказуемого наречия дано одно толкование: ЗНАЧЕНИЕ. А1 все равно А2 'Человек А1 не испытывает никаких чувств по поводу А2'. Почему же произошло такое вытеснение? По всей видимости, потому, что понятие «равнодушие» стало значимо для русской культуры.

Это понятие выражается разными лексемами, в том числе: *равнодушный*, *индифферентный*, *безразличный*, *плевать*, *все равно*, см. более подробный перечень в [10]. Традиционно родовым названием понятия выбирают «равнодушие» (ср. [11]). Церковнославянизм *равнодушный*, по НКРЯ, с середины XVIII века приобретает значение «не испытывающий чувств»; увеличение его частотности, по графикам НКРЯ, приходится на столетний период с 20-х годов XIX в.

Период, когда для русского языкового сознания становится значимо представление о равнодушном отношении к чему-либо, наступил довольно поздно, быть может, под влиянием культуры эпохи романтизма (ср. строку из «Думы» М.Ю. Лермонтова 1838 года: «К добру и злу постыдно равнодушны...»). В. В. Виноградов говорит о позднем формировании у славянизма *безразличный* современного значения: «До начала XIX в. *безразличный* употребляется как отрицательная параллель к слову *различный*». Начав со значения «неодинаковый», пройдя через ступень значения «трудноразличимый», лишь к середине XIX века, когда в русских текстах появилось издавна существующее, но незначимое ранее для культуры слово французского происхождения *индифферентный* (в НКРЯ с 1841 г.), *безразличный* стало восприниматься как его калька и приобрело значение «не испытывающий чувств» [12]. До этого в сходном значении использовалось *равнодушный*.

А.Д. Шмелев выделяет «наплевательство» как часть русской языковой картины мира, одновременно и противопоставленную, и вытекающую из еще более важной идеи «смирения» и переводящую установку «примирение с действительностью» в «презрительное безразличие» [13, с. 100]. А.Д. Шмелев не касается временных рамок становления выделяемых им понятий – удивительно, но интерес к микродиахронии в рамках современного языка, то есть к истории языковых единиц на промежутках в 25, 50, 100 лет только начинает формироваться в русистике [14]. Позднее приобретение значимости понятием «равнодушие» подтверждается корпусными данными для предикатива *безразлично* и для форм глаголов *плевать* / *наплевать* – уже на автоматических графиках НКРЯ отчетливо видно, что и то, и то заметно более частотно становится с 60-х годов XIX века.

Опыт диахронического исследования культурных идей выработан в концепции социокультурной теории лексических комплексов В. В. Глебкина, для которой значимо «представление о языке как способе концептуализации потока социокультурной реальности, в который погружен человек» [15, с. 39]. В этой теории выделены два базовых уровня развития лексического комплекса: **уровень повседневного употребления**, то есть неотрефлексированного использования / восприятия слов, входящих в соответствующее лексическое гнездо; **уровень интерпретации** слова, когда оно становится объектом сознательного размышления, превращается в элемент конструкции, которую можно назвать теоретической [15, с. 40-41]. Для понятия «равнодушие», по корпусным данным, об уровне повседневного употребления можно говорить лишь с середины XIX века: и с этого момента значение 1(б) предикатива *все равно* начинает становиться существенно более частотным и к концу XX века вытесняет значение 1(а). А к концу XX века понятие «равнодушие»

достигает уровня интерпретации, в частности, в психологии и маркетинге начинает активно обсуждаться явление «пофигизм» как «противоядие» («от чрезмерно эмоционального отношения или трудоголизма»), как способ «сохранения спокойствия и здоровья в целом» [16, с. 69-70]. Сейчас «равнодушные» в моде, особенно у младших поколений. Так, Т. М. Шкапенко высказывает предположение, что, используя «речевые рефлекс» равнодушия, говорящий зачастую неравнодушен, но стремится выразить вынужденное или показное равнодушие или, при отсутствии слушателя, задействовать «компенсаторную функцию» ради «саморегулирования эмоционального состояния» [10, с. 29].

Именно с 90-х годов прошлого века наблюдается второй этап взлета значимости «равнодушия» в русской культуре. Первое употребление слова *пофигизм* в НКРЯ – 1992 г., затем рождается оксюморонное словосочетание *здоровый пофигизм* – первый пример в НКРЯ 2000 г., появляется слитное написание наречия *пофиг* – первый пример 1998; с конца 60-х существенно учащается использование *все равно* и *безразлично*, при чем *безразлично* с конца века теряет частотность, по всей видимости, вытесненное более разговорными *все равно*, *пофиг* и ненормативным аналогом, последнего тоже пишущемся слитно.

Итак, понятие «равнодушные» стало значимо для русской культуры – а воплощающие его лексемы для языка – с середины XIX века. Полтора века *равнодушные* набирало силу, а примерно с 90-х годов XX века стало значимо на уровне теоретического осмысления. К этому моменту набор выражающей его лексики несколько поменялся, стал более разговорным, а лексема *все равно* окончательно сформировалась в значении «не испытывает чувств».

9. Предикатив *все равно* – присоединение предлога *на*

Конструкция *все равно на* в социальных сетях впервые появляется в начале 10-х годов века. Конечно же, она заменяет грубые выражения, что иногда продемонстрировано графически:

(41) вы [блин] серьезно? ...У меня нет теле-радиоротаций, мне не нужно пристально следить за своим образом, чтобы меня и дальше звали в разные передачи. Иначе говоря, мне [**все равно**] **на** шоу-биз в данном, извращенном понятии. И Юре тоже [все равно], поэтому он ... не боится, что начальство может его уволить из-за неправильно заданных вопросов. Это и есть панк. Мне [все равно], ему [все равно], и получается [отлично]. [НКРЯ-О. Как Юрий Дудь изменил российский YouTube? Отвечают Баста, Ильич, Соколов и Масленников (2018.03) // Афиша Daily, 2018]

Это поздний пример. Те, кто скорректировал текст, видимо, уже считают *все равно на* нормативным, иначе могли бы использовать замену *плевать*. Формируется конструкция на десятилетие раньше. В НКРЯ-СС зафиксировано около 60 примеров с 2011 года, в НКРЯ-ЦСМИ – не менее 10 с 2010, в НКРЯ-У – четыре с 2007 года. Вот ранние примеры:

(42) [Вера, 19, 1988, студент] Да нам **все равно на** эту Англию / главное / что мы их победили. [Домашний разговор московских студентов (2007)]

(43) Но стоит отдавать отчет в том, что решение это политические и не так то уж просто взять, да и продемонстрировать, что законодателям абсолютно **все равно на** мнение 350 тысяч человек. [Дарья ЗИМБЕЛЬСКАЯ. Владимир Воронин на Прямой линии в «КП»: ... // Комсомольская правда, 12.03.2010]

(44) Это может означать, что ваш собеседник не уважает вас и ему **все равно на** происходящее вокруг. [hdiscovery. blogspot.com hdiscovery (20.09.2011)]

(45) P. S: Я не от какой-либо партии, я вообще никакого отношения не имею к политике, просто мне не **всё равно на** то, что творится в стране. [vk (09.12.2011)]

Интересен прим. 45, в котором вместо *не все равно, что творится* использовано *не все равно на то, что творится*, то есть более простая нормативная конструкция пишущему чужда, он уверенно хочет использовать *все равно* по аналогии с *пофиг* и *плевать*. К началу 10-х годов нормативное управление предикатива через придаточное для этого пишущего уже устарело.

Нормативное описание стимула через придаточное не подходит современным носителям языка из-за того, что стимул часто удобно выражать существительным, не переводящимся в придаточное. Все равно на эту Англию / на политику / на него / на мнение других / на эти меньшинства / проверки / правила / внешний вид – по этому неполному списку стимулов из НКРЯ-СС видно, что замена существительных на придаточные очень усложнила бы предложение. Придаточное в этой позиции – рудимент от XVII века, когда основным значением *все равно* было не «отсутствие чувств», а «равные варианты». Чувства распространяются (точнее, не распространяются) на один конкретный денотат, его удобно обозначить существительным, а вот для «равных вариантов» нужны варианты, их удобно обозначать, например, через однородные придаточные. По этой же причине на рубеже XX века в язык пытались войти *все равно до* и *безразлично до*, но не сумели, думаю, потому что их аналог *нет дела до* оказался не столь частотным, как *плевать на* и *пофиг на*, и потому, что не было социальных сетей, чтобы распространить новшество.

10. Основные результаты

Фразеологизованное *все равно* сформировалось не позже XVII века из двусоставной конструкции со значением «равные варианты». Поэтому предикатив умственного восприятия *все равно* управлял элементами, обозначающими стимул восприятия в виде вариантных событий, – чаще всего однородными придаточными или конструкциями с разделительными союзами.

Чуть позже предикатива в XVIII веке развился сравнительный союз *все равно что* и близкие, а не ранее чем ко второй четверти XIX века сформировались обстоятельственное наречие и частица, соотношение которых требует отдельного исследования. Середина XIX века – период, когда, возможно, на основе идей эпохи романтизма, а затем нигилизма, понятие «равнодушие» стало значимым для русской лексики и предикативы *безразлично* и *все равно* со значением «не испытывать эмоций» стали частотны.

Итак, значение предикатива *все равно* «не испытывать эмоций» было редким и переходным в XVIII, а регулярным стало после середины XIX века. Тогда и далее вплоть до конца XX века *все равно* эмоционального восприятия использовалось либо как изолированная реплика, где и стимул и экспериенцер считывались в контексте, либо со схемой управления, унаследованной от *все равно* интеллектуального восприятия – стимулом, выраженным изъяснительным придаточным, у которого уже не было необходимости обозначать варианты, достаточно было назвать ситуацию. Такой же была модель управления *безразлично*, потому что оно тоже родилось из интеллектуальной оценки. На рубеже XIX-XX века у *все равно* и *безразлично* мелькнуло, но не закрепилось управление предложно-падежной группой с *до*.

В конце XX века происходит новый скачок значимости понятия «равнодушие», в том числе из-за развития практической психологии, настаивающей на «здоровом пофигизме». Одновременно формируется устно-письменная спонтанная речь Рунета и разговорных элементов в речи разных стилей становится больше, появляется предикатив *пофиг*, и слишком литературное и нейтральное *безразлично* вытесняется, а эмоциональное *все равно* начинает работать как «приличный» вариант грубых (*на*)*плевать* и *пофиг* (и его скалькированного еще более грубого аналога). Такое *все равно* не нуждается в выражении стимула придаточным, достаточно просто существительного, обозначающего ситуацию, и предикатив по аналогии с грубыми выбирает предлог *на*. С начала 10-х годов *все равно на* появляется в текстах Рунета (первые редкие примеры в 2007), в том числе как замена запрещенных на определенных платформах корней. К 20-м годам XXI века конструкция входит в устную речь носителей языка школьного, студенческого и постстуденческого возраста, которые не знают, что она не нормативна. Предположительно, процесс необратим и через одно-два десятилетия конструкция станет повсеместной, именно тогда исполнится примерно 200 лет с момента формирования у *все равно* значения «не испытывать чувств». Возможно, к этому

времени все *равно* фонетически оформится как целостное слово, сейчас оно чаще произносится с двумя ударениями и тем самым сохраняет мотивированность.

Итак, у появившейся 20 лет назад модели все *равно* на двувековая еще не завершившаяся история. Причины появления новой конструкции в первую очередь семантико-синтаксические – смена значения требует смены унаследованной от другого значения модели управления. Но для этого нужны 200 лет и сопутствующие обстоятельства. Для формирования новой конструкции важен скачок частотности набора выражающих «равнодушие» лексем, возникший на основе «моды» на это состояние. Наконец, значимо общее снижение стилистических требований в языке интернета в сочетании с определенными запретами и потребностью в незапрещенном аналоге.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзенко Е.О. Методы корпусного анализа частотности и динамики языковых единиц в 2024 году. Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2024. В печати.
2. Добрушина Е. Р. Корпусные методы как инструмент исследования микродиахронии русского языка XVIII-XXI веков. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2022.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999. Т. 1.
4. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / [Глав. ред.: В. И. Чернышев (глав. ред.) и др.]; Москва; Ленинград. 1951. Т. 2.
5. Современный толковый словарь русского языка. Т. Ф. Ефремова – АСТ, Астрель, Харвест, *Lingua*, 2005. – Т. 1.
6. Активный словарь русского языка / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. А. Лопухина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – Т. 1.
7. Большой универсальный словарь. В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая. АСТ-Пресс, 2020. – Т. 1.
8. Летучий А.Б. Предикативы // Плунгян В.А., Стойнова Н.М. (Отв. ред.). Материалы к корпусной грамматике русского языка. Выпуск III. Части речи и лексико-грамматические классы. – СПб.: Нестор-История. 2018. С. 136-192.
9. Сичинава Д. А. Наречия // Плунгян В.А., Стойнова Н.М. (Отв. ред.). Материалы к корпусной грамматике русского языка. Выпуск III. Части речи и лексико-грамматические классы. – СПб.: Нестор-История. 2018. С. 108-137.
10. Шкапенко Т. М. Речевые рефлекссы со значением равнодушия в современном русском языке. Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 8. Стр. 25—30.
11. Демичева Ю. В. Семантическое единство «любовь-равнодушие-ненависть»: значимостная составляющая // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 4. – С. 201–207.
12. Виноградов В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / Отв. Ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Толк, 1994.
13. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002.
14. Добрушина Е. Р. Ихний, толика и рыбава, или Что дают микро- и наодиахронические методы. Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М., 2025. В печати.
15. Глебкин В.В. Категории русской культуры XVIII–XX веков. Книга 1. Скука. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
16. Димитриева О. А. Пофигизм в современной русской лингвокультуре (по данным Национального корпуса русского языка и интернет-сайтов) // Языковые образы: лингвокреативные символы этнокультурной духовности : сборник научных трудов по итогам 5-й Международной научной конференции, посвященной 75-летию

Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Н. Ф. Алефиренко (г. Белгород, 17–19 сентября 2021 года). Белгород: ООО «Эпицентр», 2021. – С. 64–70.
